

Карасев В. И. – доктор философских наук, член-корреспондент Академии педагогических и социальных наук, г. Москва

УДК: 112

**СОЦИАЛЬНАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ: НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ
МЕТОДОЛОГИИ ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ**

Статья посвящена некоторым методологическим аспектам историко-философского исследования социальной трансформации.

Ключевые слова: социальная трансформация, методология, глобализация.

**СОЦІАЛЬНА ТРАНСФОРМАЦІЯ: ДЕЯКІ АСПЕКТИ
МЕТОДОЛОГІЇ ІСТОРИКО-ФІЛОСОФСЬКОГО ДОСЛІДЖЕННЯ**

Стаття присвячена деяким методологічним аспектам історико-філософського дослідження соціальної трансформації.

Ключові слова: соціальна трансформація, методологія, глобалізація.

**SOCIAL TRANSFORMATION: SOME ASPECTS OF METHODOLOGY
OF HISTORICAL AND PHILOSOPHICAL STUDIES**

The article is devoted to some methodological aspects of historical and philosophical study of social transformation.

Keywords: social transformation, methodology, globalization.

В современной науке существует точка зрения, что глобализация, понимаемая как всеохватывающий интеграционный процесс на базе финансовых и технологических достижений западной цивилизации выступает ведущей тенденцией современного развития. Однако, с нашей точки зрения, во-первых, пока об этом как о главной тенденции мирового развития говорить преждевременно. Нельзя выводить функцию из неопределенного аргумента. Во-вторых, корректность исследования диктует необходимость говорить, по крайней мере, о трех центрах тенденции, в основании которых лежат свои ресурсы интеграции, например, западная культура и евро; американские финансы и доллар; азиатские наркотики и иена. Наконец, в-третьих, прежде чем делать обобщающие выводы, необходим исторический, логический и структурно-функциональный анализ процесса глобальных перемен с тем, чтобы понять, является ли он носителем восходящей или нисходящей линии социального развития современного человеческого сообщества.

Глобализация, таким образом, - категория, параметры которой в системе современного знания трудно определимы. С одной стороны по своему содержанию она практически так же широка, как основные понятия процесса социальных изменений. С другой стороны, феномен глобализации многогранен. Он, по сути, затрагивает все области общественной жизни, включая такие сферы как экономика, политика, социальная сфера, идеология, культура, наука, идеология, экология и др. Процессы, которыми сопровождается глобализация, еще только разворачиваются, основной своей частью располагаясь в области чистого, а не наличного бытия. Они проявляются чаще всего не как доминанта, а как тенденция. Общественному сознанию еще предстоит адаптироваться как к выходу основных процессов жизнедеятельности за привычные границы государств, так и к имеющему место сжатию исторического времени. Так, если на ранних этапах становления современных цивилизаций материальная и культурная среда обитания человека менялась приблизительно за тысячелетие, а затем за 200 - 300 лет, то к началу XX! века этот срок сократился до 20 - 30 лет, то есть оказался соизмерим с так называемым циклом смены поколений.¹

В мировом процессе имеет место диалектическая взаимосвязь всех субъектов, как процесса международного разделения труда, так и международного права, в полном объеме этого понятия. Подобная система предполагает не уничтожение элементов и форм собственной организации и управления, которых нет в объекте (системе) сравнения, но, напротив, использование всего того лучшего, что, являясь исторически и организационно, наиболее адекватным внутреннему строению и

¹ См.: Глобализация мировой экономики и проблемы развития России / под общ. ред. В. Д. Кривога. - М., 2001, с. 3

содержанию общественных процессов, также всемерно способствует его (их) историческому прогрессу.

Данное условие представляется крайне важным с позиций приоритетов международного развития. Естественнoисторический (геополитический, социальный, идеологический, национальный, наконец) ход развития породил как внутреннюю неоднородность биосоциальной структуры человеческих сообществ, так, по-видимому, и неоднородность социально-политической организации социума на макро- и микро-уровнях жизнедеятельности.

Вместе с тем, в современной философии науки считается, что мир движется на гребне третьей цивилизационной волны, переходя от индустриальных и традиционных обществ к постиндустриальным, информационным.² Историческое время сжимается, темпы развития технологических процессов ускоряются. Отсюда появление целерациональной тенденции к умножению знания, его системного исследования, то есть качественный поворот от глобальных проектов к конкретным технологиям, в том числе в сфере управления: бизнесом, социальной сферой, политикой.

В историографии методологически противоположные точки зрения опираются на соответствующие классические, для этих направлений, каноны. Так, сторонники либерализма иллюстрируют теории М. Вебера, Р. Арона, К. Поппера³. Социал-демократия, по-прежнему, исходит из концепций К. Маркса⁴. Рассматривая практический инструментарий реализации доктринальных подходов, первые опираются на монетаризм К. Ф. Хайека⁵, вторым надо бы более серьезно изучить концептуальные подходы, содержащиеся в работе С. Платонова "После коммунизма"⁶.

Философскую основу предлагаемого исследования составили произведения по философии истории А. Тойнби⁷, О. Шпенглера⁸ и К. Ясперса⁹, концентрированно вобравших в себя западноевропейскую мысль; оригинальные труды русских философов Н. Бердяева¹⁰, М. Бакунина¹¹, Л. Карсавина¹² и других.

Достаточно интересны работы Ю. В. Яковца¹³, И. М. Дьяконова А. П¹⁴, Пантина¹⁵ и ряда других.¹⁶

Разворачивающийся как реальная смена форм организации и структуры общества процесс социальной трансформации отражает законы движения социальной материи. В качестве таксонометрических единиц, несущих в себе признаки фрактальности, выступают системы

² См.: Яковец Ю. В. Социогенетика: содержание, закономерности, перспективы: Научный доклад к V междисциплинарной дискуссии. - М., 1992; Его же. У истоков новой цивилизации. - М., 1993; Его же. История цивилизаций. - М., 1995; Его же. Циклы. Кризисы. Прогнозы. - М., 1999 и др.

³ См.: Арон Р. Этапы развития социологической мысли. - М., 1992; Поппер К. Открытое общество и его враги. Т. 1-2, М., 1992; Вебер М. Избранные произведения, М., 1990

⁴ См.: Маркс К. К критике гегелевской философии права // Соч., Т.1; Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // Там же, Т. 3 и др.

⁵ См.: Хайек Ф. Х. Пагубная самонадеянность, - М., 1992; Его же. Дорога к рабству. - М., 1990

⁶ См.: Платонов С. После коммунизма: Книга, не предназначенная для печати. - М., 1990

⁷ См.: Тойнби А. Дж. Постижение истории. - М., 1991; Его же. Цивилизация перед судом истории. - М.: Культура, 1996

⁸ См.: Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. 1. Гештальт и действительность. - М., 1993

⁹ См.: Ясперс К. Смысл и назначение истории. - М., 1994

¹⁰ См.: Бердяев Н. Новое средневековье. Размышление о судьбе России и Европы. - М., 1990; Его же. Философия свободы. Смысл творчества. - М., 1989 и др.

¹¹ См.: Бакунин М. А. Философия, социология, политика. - М., 1989

¹² См.: Карсавин Л. П. Философия истории. - Санкт-Петербург, 1993

¹³ См.: Яковец Ю. В. История цивилизаций. - М., 1995 и др.

¹⁴ См.: Дьяконов И. М. Пути истории. - М., 1993

¹⁵ См.: Пантин В. И. Циклы и ритмы истории. - Рязань, 1996

¹⁶ См.: Иноземцев В. А. Очерки истории общественной экономической формации: научное издание. - М., 1996; Плетников Ю. Формационная и цивилизационная триады. // Свободная мысль, 1998, №3, с. 103 - 112; Циклы природы и общества. Материалы У1 международной конференции. В 2-х т. - Ставрополь, 1998 и др.

социальных отношений политического общества-государства, общественно-экономической формации и цивилизации. Рассматривая их в процессе познания, воспользуемся в интересах исследования наиболее адекватным методом от общего к частному. Для этого представим, что они находятся в обратной пропорции к вектору действительного движения истории. Данный прием необходим еще и потому, что взятые как фрактальные единицы познания, данные общности инвариантны, представляя собой статические модели конкретных социумов. Динамическим является лишь процесс их смены. Именно на этот процесс уровень обобщения или редукции в исследовательском акте влияния не оказывает, но последующий переход к конкретному анализу внутренней диалектики смены качества конкретного социума диктует необходимость перехода от анализа большей степени абстракции и системной сложности к меньшей, что, впрочем исследуемое в скобках “скалярности”, также не выступает фактором помех для исследовательского процесса.

Итак, последовательно рассмотрим закономерности переходных процессов: цивилизационных сдвигов, смены общественно-экономических формаций и политических режимов в параметрах самих процессов социальной трансформации, таких как переходные периоды и социальные и политические революции. В данном случае, кроме описания исследуемых явлений, задача будет состоять в верификации нашего предположения об универсальном характере не только переходных процессов как феномене социальной трансформации, но и закономерном характере такой формы переходного процесса как социальная революция.

Первым аспектом решения отмеченных целей представляется краткое описание такой формы институционализации социальной трансформации, как цивилизационный сдвиг. Она является выражением самого большого цикла социальной истории, отражая закономерности полного процесса генезиса социальности, от зарождения до снятия ее в качестве отчужденной от природы превращенных отношений, порожденных самим человеком в процессе осознанной деятельности.

Точкой отсчета можно считать характеристику, приводимую Дж. Берналом о трех цивилизационных революциях. Думается, что вкратце их можно описать так - овладение орудиями труда как таковыми дало толчок складывания человеческой цивилизации. Промышленный переворот предопределил ее индустриальную ступень (включая, прежде всего, классический капиталистический способ производства) развития человечества. Этот цивилизационный процесс охватывает исторический период развития человечества (основанный на экономических отношениях, индустриализме и технократии как их субъективное отражение).

Развитие общественного разделения труда и смена конкретных форм собственности, как ее результат, и, главным образом, собственности частной (прошедшей хотя и различный по форме на Западе и Востоке, но, все же, единый по содержанию, дошедший до ее практически полного отрицания, путь), социальной стратификации и конкретных способов государственного устройства, то есть превращенных в своих общественных проявлениях отношений, - привел к изменению соотношения объективных и субъективных факторов, определивших человеческое развитие как таковое.

С появлением и развитием информации как предмета человеческой деятельности (тела природы, но уже в качестве системы не материальных отношений, а, как системы отношений между материальными и духовными предметами, явлениями и процессами, то есть, речь идет уже не о преобразовании самого тела природы, а о возможности освоения (преобразования, изменения, влияния) продукта ее (уже несводимой к любым формам собственности) деятельности и средства осуществления (инструментарий, орудия труда) вызовом природного и социального развития, - для человечества стала необходимость перехода к постиндустриальному (возможно, информационному) обществу. В нем превращенные формы заменяются на естественные, - труд уступает место деятельности, разделение труда - всеобщей формой его кооперации; стратификация вместо скрытого основания получает свою естественную, природную сущность; авторитет власти сменяется властью авторитета; производство орудий труда, как ведущая тенденция социального развития, уступает место производству человека. Изменяется основание (система движущих противоречий), по мере осуществления которого, определяется как содержание, так и направление развития человечества в условиях уже информационного общества.

В свою очередь любая локальная цивилизация является, во-первых, потенциальным содержанием центростремительного процесса складывания единой структуры социума в полном объеме этого понятия как планетарной цивилизации; во-вторых, она представляет собой актуальное множество горизонтальных культурных сообществ, национальных государств и их союзов, и иерархии исторических форм социального существования, таких, как разнообразные традиционные

типы культур и социально-экономические формации.

С точки зрения процесса закономерный характер социальной трансформации должен проявиться в устойчивости конкретных форм социального движения, повторения его фаз и периодов при повторяющейся смене социальных контекстов. Особенно важным представляется исследование синергетического цикла саморазвития социальных систем как процесса формирования на каждом новом этапе их качественной определенности и направленного движения в форме диалектического цикла, как процесса, во-первых, описывающего переход структурных множеств данной социальной системы по шкале прогрессивного или регрессивного движения; во-вторых, как процесс восхождения данной социальной системы в ряду иных социальных систем от простого к сложному, от низшего к высшему в процессе транссистемных изменений более широкого социального поля.

Глобальное изменение реальности, которое имеет место в современных условиях, а также экспоненциальный характер кумулятивности и скорости этих изменений, с неизбежностью приводят исследователя и практика к необходимости как констатации самого факта, так и к выработке работающей модели происходящего и, в ее параметрах, созданию механизмов ее реализации.

С точки зрения теории цикличности феномен социальной трансформации является характерным примером революционного подхода к описанию социальной действительности. Он полностью укладывается в те процессы смены парадигмы обществензнания, да и всего естествознания в целом, которые реализуются научной элитой. Особое место принадлежит моделям социального развития, которые рассматриваются с позиции самоорганизации. Переход наукознания от традиционных воззрений в духе биоэпистемологии К. Лоренца, генетической эпистемологии Ж. Пиаже и эпистемологии фальсификации К. Поппера к синергетической версии процессов описания эволюции научного знания дал мощный толчок возможностям изучения таких отраслей науки как философия, социология и история.¹⁷

При этом особое место принадлежит смене модальности исследовательской позиции и методологии исследования, важнейшим направлением которых выступает анализ видов движения развивающихся социальных систем в цикле чередования порядка и хаоса, с одной стороны; организации и самоорганизации, а, следовательно, спонтанного движения и направленного (и даже направляемого) развития социальных систем в полном объеме этих категорий.

Синергетика изучает общие закономерности процессов самоорганизации сложных систем. Применительно к социуму можно сказать, что она исследует общие закономерности социальной самоорганизации, то есть, взаимоотношений социального порядка и социального хаоса. Под порядком в синергетике подразумевается множество элементов любой природы, между которыми существуют устойчивые регулярные отношения, повторяющиеся в пространстве, во времени или в обоих случаях. Соответственно хаосом обычно считают множество элементов, между которыми таких регулярных устойчивых отношений не наблюдается.¹⁸ Исходя из данных определений делается вывод о том, что самоорганизация есть качественное структурное изменение некоторой объективной реальности, а синергетика выступает в качестве теории развития.¹⁹

Исследование проблем синергетики не сводится к изучению проблемы взаимоотношений порядка и хаоса. Наряду с анализом оно предполагает и синтез. Простейшая форма такого синтеза - понятие диссипативной структуры - концептуальный фундамент синергетики. В отличие от равновесной структуры, диссипативная структура может существовать лишь при условии постоянного обмена со средой, в общем случае веществом, энергией и информацией. Посредством этого обмена она поддерживает свою упорядоченность (низкую энтропию) за счет усиления беспорядка во внешней среде (сбрасывая избыточную информацию во внешнюю среду). Причем, считается, что приближение к полному обмену веществом, энергией и информацией характерно только для очень сложно организованных диссипативных структур, каковыми являются, например, биологические и социальные.

В социальных процессах социальная самоорганизация может выступать в различных формах чередования порядка и хаоса, например, смены конкретных форм разделения общественного труда и его кооперации, дифференциации доминирующей формы собственности в конкретных социумах и их

¹⁷ См.: Рузавин Г. И. Эволюционная эпистемология и самоорганизация // *Вопр. философ.*, 1999, № 11, с. 90-101

¹⁸ См.: Карери Д. Порядок и беспорядок в структуре материи. - М., 1985, с. 13, 159.

¹⁹ См.: Бранский В. П. Социальная синергетика как постмодернистская философия истории // *Обществ. науки и совр.*, 1999, № 6, с. 117.

интеграции, тенденций к иерархизации и деиерархизации социальных отношений и их институтов и акторов.

В границах конкретной шкалы любого отдельно взятого социума отмеченные процессы проявляются достаточно рельефно относительно оси происходящих в обществе перемен. Но уже при рассмотрении их на обобщенной шкале взаимных переходов и отношений различных форм и в особенности уровней структурной организации человеческих сообществ (неважно, назовем ли мы их формациями, культурами или цивилизациями) ведущим выступает уже иной тренд – стремление сменяющих друг друга групп социумов по вертикали к усложнению структурной организации, а при горизонтальном взаимодействии – к усредненным значениям ненаправленных флуктуаций их взаимной стратификации.

Более углубленный анализ отмеченных процессов показывает, что они могут протекать в разных направлениях: диссипативные структуры могут объединяться в разной последовательности и по разным правилам, в результате чего могут возникать системы разного типа. Аналогичная картина будет наблюдаться и при дезинтеграции доминирующих систем, в результате чего в роли элементарных структур также могут выступать диссипативные структуры разного типа.

Однако спектр направлений, в режиме которых протекает флуктуирование процесса смены диссипативных структур, отнюдь не произволен: он задается природой той системы, которая претерпевает указанную эволюцию, и характером внешней среды. Другими словами, он определяется бифуркацией - разветвлением старого качества на конечное множество вполне определенных потенциально новых качеств. Это так называемая нелинейность первого рода, которая придает процессу самоорганизации с самого начала неоднозначный стохастический характер. Переход социальной системы от одного состояния к другому требует выбора из множества возможных многих структур какой-то одной. Поэтому на место традиционного динамического детерминизма приходит детерминизм вероятностный.

Конечными состояниями, за пределами которых системное качество нереализуемо, выступают простой и странный аттракторы. С этой точки зрения диссипативная структура претерпевает множество бифуркаций, балансируя между простыми и странными аттракторами, а процесс самоорганизации принимает форму чередования дифференциации и интеграции социальной реальности.

В социальном дискурсе имеет место специфика проявления процессов самоорганизации. Она заключается в том, что на онтологическом уровне проявляется в форме дифференциации и интеграции социальных институтов; на гносеологическом - в форме дифференциации и интеграции знаний (и методов синтеза и анализа, индукции и дедукции); на аксиологическом - в виде дифференциации и интеграции социальных ценностей, идеалов.

Естественно поставить вопрос о соотношении таких понятий, как «социальная самоорганизация» и «социальный прогресс». Социальная самоорганизация представляет собой очень сложное и тонкое взаимодействие дифференциации и интеграции социальных институтов с аналогичным изменением социальных идеалов. Так как социальный идеал включает в себя разные аспекты социальной действительности, такие как экономика, политика, этика, эстетика, идеология, нельзя считать критерием социального прогресса любой из этих признаков, взятый в отдельности. С точки зрения социальной синергетики критерием может быть только степень приближения к полной гармонии всех отмеченных сторон общественного идеала.²⁰

И, наконец, пограничные исследования, вторгающиеся в сферу философии политики, но, как правило, основанные на теориях естественных наук: теории систем (синергетики), организаций и цивилиографии, – утверждают возможность социальной инженерии, как конкретного метода сознательного воздействия общества на природу, государства на общество.

Таким образом, представляется возможным сделать на основании изложенного некоторые обобщения.

Во-первых, наш анализ четко указывает на закономерный характер процесса социальной трансформации. Они определяют как содержание трансформационных процессов, так и формы его проявления в конкретно-исторической переходной ситуации.

Во-вторых, социальная трансформация в полном объеме этого понятия является составной частью более широкого цикла биосферных и этнических изменений. Данное обстоятельство дает

²⁰ См.: Бранский В. П. Социальная синергетика как постмодернистская философия истории, с. 125

основания для утверждения о том, что в поле действия социальности как своего качества социальная трансформация представляет уникальный процесс его изменения по уровням структурной организации. В границах эмерджентности природы социальная трансформация представляет собой один из множества частных циклов, разворачивающихся под действием универсальных законов природы как полной системы. Такое же соотношение наблюдается в определении категорий процесса социальной трансформации с позиций движения составляющих ее элементов, таких как локальные цивилизации или культуры, общественно-экономические формации или отдельные государства. Каждая системная трансформационная единица движется в поле собственных противоречий как уникальная, тогда как элемент множества более широкой категории подчиняется действию ее, универсальных для конкретной социальной системы, законов. Таким образом системность процесса социальной трансформации отражает относительность взаимодействия диалектического и синергетического циклов развития.

В-третьих, если период становления качества любой социальной системы имеет по преимуществу синергетический характер саморазвития, источником которого в состояниях, далеких от равновесия, является внутреннее возмущение, то изменение качественных параметрах систем, близких к состоянию равновесия по преимуществу диалектично, в ходе которого внутреннее возмущение или внешний импульс приобретают дуальность борющихся и сосуществующих противоречий.

В-четвертых, изложенное требует восстановления научного статуса причинности, закономерности и прогрессивности как категорий философии природы и общества. Методологической ошибкой синергетического видения трансформационных процессов выступает отсутствие в ходе синергетического затухающего цикла диффундирования учета категории сопротивления среды. Саморазвитие не осуществляется в социальном вакууме, процессы инволюции прежнего системного качества и становления элементов нового осуществляются в поле действия законов данной системы, причем в случае с человеческим обществом осознанно. Следовательно, в любом из возможных случаев социальной трансформации, с определенного момента она приобретает качества направленного развития, теряя качественную определенность саморазвития. Аналогично процессы количественных и качественных изменений происходят на уровне трансформирующихся в параметрах данной системы подсистем и множества, составляющих ее элементов.

В-пятых, из предлагаемой исследовательской позиции следует, что синергетический и диалектический принципы философии не «работают» автономно, а их действие пропорционально в зависимости от стадии протекания процессов социальной трансформации. Категориями, описывающими состояния дискретных переходов как преодоления меры качественной определенности являются: в квантовой физике - фазовый переход, в теории сложных систем - бифуркация, в социальном дискурсе - социальная революция.

В-шестых, в современных условиях в объеме понятия «социальной трансформации» в качестве проявления качественных революционных скачков выступают для определенных уровней трансформации. Соответственно: социальная революция как смена полного качества социума, политическая революция как изменение политического режима или формы государственного устройства, революционные изменения характера качества социального управления. Попытки либеральных исследователей ввести в научный оборот категорию «антиреволюции» представляются с научных позиций не верифицируемыми и не имеющими перспективы.

Конох Николай Семенович – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и права Днепропетровского государственного технического университета

УДК: 112

**ФИЛОСОФСКОЕ ПРЕДНАЗНАЧЕНИЕ ПРАВА
В ПРОЦЕССЕ ИДЕНТИФИКАЦИИ ЧЕЛОВЕКА**

Статья посвящена философско-образовательным аспектам права в контексте человеческой идентификации.

Ключевые слова: право, автономизация, дискурсивность.

**ФІЛОСОФСЬКЕ ПРИЗНАЧЕННЯ ПРАВА
В ПРОЦЕСІ ІДЕНТИФІКАЦІЇ ЛЮДИНИ**

Стаття присвячена філософсько-освітнім аспектам права в контексті людської ідентифікації.

Ключові слова: право, автономізація, дискурсивність.

**PHILOSOPHICAL PURPOSE OF LAW
IN THE PROCESS OF HUMAN IDENTIFICATION**

Article focuses on the philosophical and educational aspects of law in the context of human identification.

Keywords: law, autonomization, discursivity.

Является общепринятым, что философская образованность или, по крайней мере, осведомленность в сфере философской проблематики, давно является атрибутом высшего образования. Вероятно, это один из факторов, обуславливающих фундаментальную направленность отечественной науки и обеспечивающих способность многих наших ученых выйти за пределы узкоспециальной проблематики. Тем не менее самостоятельный статус философии как учебной дисциплины в современных вузах отнюдь не всем представляется как нечто само собой разумеющееся. В первую очередь это касается так называемых профильных учебных заведений, где в суждениях о философии нередко явственно угадывается смысл когда-то крылатой фразы министра народного просвещения императорской России П.А. Ширинского-Шихматова: "Польза от философии не доказана, а вред от нее возможен" [1, с. 4].

Достаточно часто, преподаватель правовых дисциплин испытывает на себе своего рода давление требований обеспечения "связи с практикой правоохранительной деятельности" содержания преподаваемого предмета. Фразы о роли философии в формировании "осознанных мировоззренческих и нравственных установок", о "развитии способности к самостоятельному теоретическому мышлению", необходимых для решения любых практических задач, звучат для позитивистски настроенного большинства юристов лишь как слабое оправдание философов в своем существовании [2, с. 13-16].

Размышления по этим вопросам можно расположить по нескольким позициям. С одной стороны, достаточно давно и ныне многие специалисты – юристы утверждают : "...само по себе применение философских терминов к праву новых смыслов не рождает, оно их только поверхностно множит" [3, с. 41]. Применение философских терминов к анализу конкретной правоприменительной деятельности не только не рождает новых смыслов, но и осложняет понимание целей своих действий для тех, кто пытается эти рассуждения "понять" и "освоить". В конечном счете, это порождает настороженное отношение к философии как к пустому схоластическому словоблудию, хотя в прямом смысле подорвать ее авторитет невозможно.

С другой же стороны, философское осмысление территории закона есть всегда поиск новых, относительно действующего законодательства, смыслов правотворчества, соответствующих изменениям социальной, да и не только социальной, – возьмем экологическое право, – действительности. Философское осмысление явлений правовой действительности по сути всегда означает выход за рамки собственно права, взгляд на него "со стороны". Такие известные профессиональные российские юристы конца XIX – начала XX века как Б.Н. Чечерин, А.Д. Градовский, П.Г. Редькин, П.И. Новгородцев были не просто служителями закона, они участвовали в процессе рождения новых смыслов права благодаря своей классической философской эрудиции. Позволим себе пространную, уж больно к месту, цитату из "философии права" Б.Н. Чичерина: "Положительные законы суть произведения человеческой воли и как таковые могут быть хороши или